

Когда внезапно рухнула страна,
 когда мы стали верными врагами
 и честь была занесена снегами,
 а совесть в чёрный список внесена
 и на забвенье приговорена,
 нас увлекли в бесчестие торгами.
 И всё перевернулось вверх ногами,
 и смутные явились времена.

Мы окунулись в покаянный бред,
 понародились новые иуды.
 Лжецы, кликуши, воры из-под спуда,
 кривляясь, повылазили на свет.
 И подняли волну пророки бед,
 поистошив в потоках словоблуда
 умы людей.
 И воцарилось Худо.
 И погрузились мы в значенье «Zet».

Вор, проходимец, жулик, негодяй
 перекроил всё и переиначил.
 Он Прошлое в ответчики назначил,
 себя на роль арбитра возведя.
 А мы толпой, восторженно галдя,
 не захлебнулись поминальным плачем,
 мы радостно топтались по лежачим,
 поверженным,
 ликуя загодя.

Но час грядёт оплаты по счетам.
 И спросят с нас, и мы за всё ответим.
 Неважно, где. На том, на этом свете:
 всегда и всюду следом, по пятам —
 за нами тот, кто чтит не по летам,
 не по числу зарубок и отметин,
 а по тому, кто был душою светел,
 кого не поглотила суета.

Когда, чужое разгребая горе,
 я в панике опаздываю к бою
 и совесть угнетённая грызёт,
 колдую я, мыча и крохоборя,
 над заревом, что красною дугою
 Светила изготавливает взлёт.
 Я вру себе, вернувшись из боёв,
 что время спотыкается в разбеге,
 и, подпирая выгнившие следи
 души, душу утрат утробный рёв.

И бредит рассудительность тупая,
 в моём мозгу разбрызгивая плесень.
 И эта плесень тяжела, как ртуть.
 И каюсь я, и пеплом посыпаю
 пронырливые выкидыши песен,
 стремясь настичь упущенную суть.
 А отдышавшись, ввязываюсь в бой.
 По жилам вновь течёт стихов отрава...
 Я проиграл во времени, но право
 исхода оставляю за собой.

Я исхожу раздумьями из скуки,
 поглядывая искоса при этом
 на замкнутые логова людей.
 Мне весело. Я потираю руки,
 паясничаю каверзным ответом, —
 что человек? — изысканный злодей.
 За давностью времён расползся шов,
 скрывающий пороки и изъяны.
 Тот, кто произошёл от обезьяны,
 похоже, зря вообще произошёл.

Кощунствую, поигрываю прахом,
 к страданиям проявляю благодущье.
 Не так ли мы, безумье исчерпав,
 не постигая гениальность краха,

признаниями проламывая уши,
прозреньем промываем черепа.
Извечной неминуемостью бед
мы, совесть уязвлённую утешив,
покинув грёз дымящиеся бреши,
провалами являемся на свет.

Ехидно, распоясанно и косо
я оскопил на скальные рисунки,
босую суть от плевел отодрал.
Меня влекли фискальные доносы,
манили патронташи и подсумки...
Я отыграл назад... и проиграл.
Я проиграл святыни и уклад,
потрафив хворью храмов уркаганам,
ощерился циничным балаганом
щетинистый, скуластый паханат.

Ярмо холопства барство увенчало
и, пестуя намеренье благое,
в исподнем заявилось, грохоча,
и я своё пещерное начало
вовлёл в триумф потомственных изгоев
и освятил внебрачьем кумача.
Гниеньем отрыгнула кабала.
Озлобленно, отвязанно, отпето
скандальные мои апологеты
кандальные затеяли дела.

Сердцами амбразуры затыкая,
они цепей своих ковали звенья,
уверовав в безродный произвол.
И маялись, преданьям потакая,
выживая позднее прозреньё
из окрылённых тайнами крамол.
И иступленья рваные куски,
рассеяв повсеместно и несметно,
все проросли... и выросли... посмертно,
примерив лавры гробовой доски.

Здесь плоть моя, простреленная страхом,
покинула разнузданный маразм
расшитых иступлением времён.
Я воспарил, господствуя над прахом,
заносчивые сщеживая фразы
на груди опровергнутых имён.
Я постулаты потайных дверей
преодолею исповедальным бредом,
предал забвенью прошлое и предал
гуртом и паству, и поводырей.

Но звон цепей нагнал и оглушил
набатом. И под рёбра с рёвом врылось

незыблемое – homo lupus est!¹
И прошлого оукленная туша
вдруг задышала и зашевелилась,
зализывая сколы лобных мест.
И поползла! И стон её, как треск,
сводил с ума, неистово истошен.
Мне тяжела, мне непосильна ноша
минувшего, которое – мой крест.

Напрасно я, во избежанье злого
провиденья, разъять его объятья
надеялся за створами «притвор»:
исход был предрешён. И было слово, –
сей крест – не искупленье, но распятье,
и прошлое – не дар, но приговор!
И в скрежете заржавленных орал,
в смятенье дум и помыслов броженье,
вельможным негодьям в улаженье,
я отыграл назад... и проиграл.

Я проиграл вам, злые и – не очень.
Все вы, кто поимённо, кто построчно,
меня втянули в проигрышный бой.
И этот крест, что в спину мне вколочен,
не мой, а ваш: вы, шедшие досрочно,
его подняв, не унесли с собой.
Косят, косят глаза из-за забрал
тех, кто последний приговор выносит.
Они придут. Они, конечно, спросят...
А что я им скажу... я проиграл.

3

Пророки бед, минувшее – не пыль,
не тленный прах, не ветра дуновенье.
Не вы ли объявили исцеленьем
обман и ложь взлелеяли не вы ль?
Не вы ль гремели нам наперебой:
кто не дотянет, мы того дотащим
в грядущее?
И с этим, в настоящем,
и гнали, и тащили на убой.

Конечно, в этом и моя вина.
И я в пылу свой крест едва не кинул,
когда нам жаром лжи дышали в спину
взлелеянные вами времена.
Всё в прошлом.
Вы сегодня не в цене,
А кто в цене, тот больше не пророчит.
И только память, память кровоточит,
и мне, который год, не спится мне.

¹ Человек человеку волк.